А. А. Николаевъ.

Крестьянская Библіотечка

№ 3.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ОБЩИНА.

Цѣна 5 коп.

Какъ у насъ, въ деревнѣ, общинный покосъ дѣлили.

Дѣдъ Матвѣй, въ качествѣ десятскаго, вышелъ будить народъ, чтобы выходить въ луга. Онъ шелъ по срединѣ улицы; въ рукѣ у него на шнуркѣ висѣла коса, снятая съ косья; онъ билъ въ нее палкой... Особенные рѣзкіе, звонкіе звуки неслись въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ...

Пока я успѣлъ одѣться и выйти на улицу, у дворовъ уже собирался народъ. Всѣ сбивались въ кучу по серединѣ деревни, помолились на церковь и двинулись въ луга: самые малые впереди, старшіе—сзади. Бабы—послѣ всѣхъ...

Прежде всего направились дѣлить лужокъ по овражку...

Лугъ былъ не болѣе десятины... половина приходилась на косогорѣ, половина лежала въ ложбинѣ. Я, дѣвки, бабы и ребятишки разсѣлись по дорогѣ; мужики приступили къ передѣлу...

Не успѣли мужики отдѣлиться отъ насъ, какъ посыпался рядъ совершенно непонятныхъ восклицаній, выкриковъ, возраженій.

— Матвѣй! ступай ищи *устья!* Ты всѣхъ старше! Твое дѣло!.. Гдѣ я тебѣ буду искать устья-то? Лѣшій! Гдѣ они, устья-тс, здѣсь? Передѣляли мы, что-ли, ихъ прошлымъ годомъ? Устья! Ихъ до обѣда проищешь, *устья-то* (прежнія мѣтки)!—На то и старикъ! Помнить долженъ!—Ну васъ къ лѣшему! Намѣчай новыя... Рѣжь новую

емь! (отдѣльные клочки покоса, въ которомъ каждому должна быть отведена своя полоса). — Конечно, новую... Какъ ее рѣзать?

— Бери вонъ: по косогору одна, по ложбинѣ пущай другая будетъ. И шабашъ!

— Такъ и пошабашимъ.—Держи карманъ! Ловокъ! Развѣ не видишь, половина больше въ ложбинѣ!

— Такъ что! Пущай! Кому достанется...

— О? Достанется? Такъ бери его, коли тебѣ любо... А за другихъ нечего говорить...

— Зачѣмъ мнѣ? Кому счастье выйдетъ... Выйдетъ мнѣ, я возьму...

— Счастье! На счастье еще навалка безъ того будетъ... Счастье-то впередъ береги...

— Болото выключай!.. Пускай болото въ особую емь идетъ... Накинемъ на него кусты...

— Кусты вонъ! Что у кустовъ взять?..

— Вали вонъ, я возьму на себя...

— Ловокъ! Чуешь носомъ-то? Зачѣмъ кусты вонъ?.. Ихъ въ *барышки* пустимъ ..

— Пущай кусты въ барышокъ, пущай на счастливаго!

— Зачѣмъ на счастливаго? Ты держись старины! Пущай они тому въ барышокъ и будутъ, кто въ болотѣ жеребій вынетъ...

— Пущай, у кого будетъ жеребій хуже, тому и въ барышокъ идутъ.

— Ну, вали, коли такъ; а болото какъ?

— Къ болоту прирѣжемъ косогору... Равняй косогорокъ! Вотъ отъ лысины... Отъ лысины отрѣзай!

— Дѣдъ Матвѣй! Ступай съ вѣхой на лысину! Шляпу повѣсь!.. Повѣсь шляпу, чтобы видѣть!.. Н-ну! съ Богомъ! Броди, Павелъ! У тебя сапоги здоровые... Бродъ медвѣжій проложишь!..

Павелъ отправляется на дѣда Матвѣя прямо по травѣ, стараясь возможно сильнѣе ерзать сапогами, чтобы образовался виднѣе бродъ...

Но мало подѣлить лугъ такъ, чтобы никого не обидѣть ни косогоромъ, ни болотомъ, ни кустами. Надо сдѣлать и такъ, чтобы и на остальномъ мѣстѣ одному не досталась вся лучшая трава—съ цвѣткомъ, а другому—одинъ только сухой мятликъ... Это еще болѣе осложняетъ дѣлежъ покоса...

Но вотъ, наконецъ, намѣчены всѣ *еми*.

Приступили къ дѣлежу емей „на половины". Всѣ 53 души разбиваются въ двѣ группы: въ одной—26, въ другой 27 душъ, по сосѣдству дворовъ, или „какъ въ поляхъ", т. е. по сосѣдству полосъ въ пахатныхъ поляхъ...

Дѣдъ Матвѣй опять пошелъ съ вѣхой и остановился приблизительно въ головѣ половины еми. Дядя Трофимъ да дядя Ефимъ стали его равнять, мѣряя съ двухъ противоположныхъ сторонъ шестами. Наконецъ установили. Дядя Павелъ опять проложилъ бродъ.

— Эй, Иванъ Тарасовъ, выходи! Тащи жеребья!—закричали мужики, сгрудившись около вѣхи дяди Матвѣя...

— Вынимай жеребья на половины! Матвѣй, давай шляпу!—кричали мужики. Н-ну, Господи, благослови!.. Тряси!.. Кто будетъ вынимать?—Давай я!—Держи карманъ: ты жеребья знаешь!—Крикни мальчишку, крикнемъ Ѳедюшку!.. Ѳедюшка!.. Бѣгай сюда!..

Сидѣвшій со мной, самый маленькій изъ всѣхъ косцовъ, несмѣло подошелъ къ мужикамъ...

— Бѣги, говорятъ, проворнѣй!.. Н-ну, тряси!.. Крестись, братцы!

Всѣ перекрестились. Мальчуганъ вынулъ жребій. Каждая изъ двухъ группъ сразу отдѣлилась одна отъ другой и направилась на *свою* половину.

Общій передѣлъ былъ конченъ. Около меня произошло такое же передвиженіе. Бабы и ребятишки тоже раздѣлились на группы, и каждая придвинулась ближе къ *своимъ* мужикамъ. Обѣ половины уже не обращали ругъ на друга никакого вниманія: каждая пристально ѣдила только за своей стороной...

Такимъ же манеромъ половины были раздѣлены на четвертины; въ каждой четвертинѣ оказалось по 13 душъ; на каждую четвертину пришлось *по четыре косья, да по полукосью, да по два лаптя*. Стали дѣлить *по душамъ* (по дворамъ; сколько во дворѣ душъ, столько *лаптей* отрѣзаютъ къ одному мѣсту)...

Мужики становились одинъ противъ другого и считали вслухъ, приставляя одинъ лапоть ноги непосредственно къ другому, такъ, чтобы носокъ одного приходился къ задку другого...

Слышалось: На меня шесть лаптей да пол-лаптя!—Гдѣ они пол-лаптя-то?—Откуда взять?—Гдѣ? Чать у меня полдуши есть? Да гдѣ ты его возьмешь, поллаптя-то?—Мы съ Корягой въ одинъ лапоть войдемъ—у него тоже полудушевая есть!—Ну, входите!—Коряга! Иди со мной въ лапоть!—Ладно! Отсѣкай! Прокашивай *тяпокъ* (мѣтка, отдѣляющая подворную *дѣлянку* отъ другой; обыкновенно прокашивается небольшой крестъ или круглая лысинка въ головѣ полосы).

Наконецъ, кончена дѣлежка по душамъ, по *лаптямъ*: шумъ сразу смолкъ....

Блеснули на солнцѣ лезвія. Звякнули бруски о стальное лезвіе....

На лугу стало вдругъ такъ тихо, что ясно и рѣзко выдавалось только шипѣнье косъ въ ложившейся грядами травѣ....

Много-ли у насъ общинной земли и общинниковъ.

Такъ или вродѣ этого производится у насъ ежегодно во многихъ мѣстахъ дѣлежъ общинныхъ покосовъ.

Но крестьянскимъ общинамъ принадлежатъ не только покосы, а еще и пахотныя земли, и лѣсныя угодья и рыбныя ловли... Время отъ времени многими общинами производятся передѣлы и полей, и водъ, и лѣсовъ, и

послѣ такого передѣла каждый пользуется своей частью до новаго передѣла...

Много ли въ Россіи имѣется такой общинной земли? Много ли, значитъ, въ Россіи такой земли, которая не принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ, а находится во владѣніи многихъ лицъ, живущихъ особой деревней или нѣсколькими деревнями?

Такой земли въ Россіи много. Особенно много ея въ той части, гдѣ по преимуществу живетъ русское крестьянское населеніе. Такъ, если исключить Финляндію, Царство Польское, Кавказъ и Область Войска Донского, то въ оставшихся 49 губерніяхъ Европейской Россіи крестьянскимъ общинамъ принадлежитъ почти девяносто пять милліоновъ десятинъ удобной земли; т. е. немного меньше половины всей земли, которая находится въ этихъ губерніяхъ.

Если прибавить къ этому, что много общинной земли имѣется у сибирскихъ крестьянъ и казаковъ, то мы увидимъ, что дѣйствительно огромная площадь находится въ общинномъ владѣніи, что много милліоновъ людей русскаго государства заинтересованы въ вопросѣ о томъ, должна ли быть сохранена община, или слѣдуетъ ее уничтожить; приноситъ ли она и можетъ ли она приносить пользу или отъ нея русскому крестьянству идутъ одни убытки, и откуда и какъ пошло это общинное землевладѣніе, очень ли привыкло къ нему населеніе или оно только съ горя терпитъ его и съ удовольствіемъ покончитъ со своей общиной?

Мы сказали, что во всѣхъ этихъ вопросахъ заинтересовано много милліоновъ нашего населенія. И, дѣйствительно, по наиболѣе точнымъ подсчетамъ, оказывается, что *общинная земля въ Россіи имѣется не менѣе, какъ у 80 милліоновъ душъ обоего пола.*

Конечно, это населеніе, владѣющее землей на общинномъ правѣ, разселяется по лицу нашей земли неравномѣрно. Есть большія области, гдѣ вся земля при-

надлежитъ только частнымъ лицамъ, гдѣ землей, значитъ, распоряжается всякій такъ, какъ ему заблагоразсудится: можетъ продавать, покупать, мѣнять, закладывать, и никто никакихъ препятствій ему въ этомъ чинить не можетъ. Такъ, въ Литвѣ и Прибалтійскихъ губерніяхъ совсѣмъ нѣтъ общинной земли, а слѣдовательно нѣтъ и общинниковъ. Въ Западныхъ и Юго-Западныхъ губерніяхъ, гдѣ живутъ поляки и малороссы, крестьяне, владѣющіе землей на общественномъ началѣ, составляютъ не больше одной трети всего населенія этой области. Напротивъ, на огромномъ пространствѣ, которое занимаютъ сѣверныя губерніи, губерніи серединной Россіи (вокругъ Москвы) и на всей области, которая отъ Москвы идетъ къ Уралу и въ Сибирь, общинное населеніе составляетъ главную массу крестьянства; крестьянъ, владѣющихъ землей не на общинномъ, а на личномъ правѣ, здѣсь, быть можетъ, какая-нибудь двадцатая часть, а всѣ остальные имѣютъ общинную землю. Большинство общинниковъ составляетъ крестьянское населеніе и въ остальной долѣ Россіи, — въ черноземной полосѣ, гдѣ лишь одна десятая крестьянства не можетъ быть отнесена къ общинному населенію, а девять десятыхъ сплошь все общинники.

Такимъ образомъ *большая половина крестьянскаго населенія принадлежитъ къ числу общинниковъ, владѣетъ землей на общинномъ правѣ.*

Отсюда видно, *какое огромное значеніе для русской жизни и русскаго крестьянства долженъ имѣть вопросъ о томъ, полезна ли община населенію или вредна, слѣдуетъ ли ее сохранить или слѣдуетъ уничтожить.*

Какъ крестьянское населеніе само смотритъ на общину.

Если прислушаться къ голосу крестьянства, то мы увидимъ, что не только въ разныхъ областяхъ нашего государства, но часто въ одной и той же деревнѣ различные крестьяне различно смотрятъ на общину: одни видятъ въ ней большое благо, другіе считаютъ ее большимъ зломъ. Но пусть крестьянство говоритъ само за себя... Довольно будетъ хотя бы двухъ примѣровъ.

Въ одномъ изъ номеровъ „Вятской Газеты“ было помѣщено письмо крестьянина, въ которомъ про общину говорится слѣдующее: „Все бы еще ничего, да вотъ пугаться очень стали, что будто бы общину нарушаютъ и хотятъ перейти къ подворному владѣнію. Это вотъ, по моему, бѣда, и бѣда самая настоящая! Самъ можешь понять, каково легко съ большой семейкой на двухъ-трехъ какихъ нибудь душахъ на вѣки-вѣчные остаться... На міру-то какъ никакъ—все же дадутъ въ свое время земли, хоть двадцать сыновъ распложай; ну а въ подворномъ погодить надоть прибавку-то надѣла получить.

„Сказывалъ кумъ Евтихій, что и раньше какъ-то съ годъ или полтора назадъ (не помнитъ онъ хорошо) на одномъ уѣздномъ земскомъ собраніи гласные отъ крестьянъ тоже за владѣніе по участкамъ мнѣнія подали да мнѣ признаться не вѣрится. Какъ же это? Они на себя, значитъ, руки хотѣли накладывать?

„Или это—притиснули ихъ очень которые, должно быть, другіе или развѣ гласными попали все богатѣи, которые, конечно, чуть не на одной ножкѣ запрыгаютъ, когда разрѣшатъ имъ скупать земли подворщиковъ. Смекаешь ты музыку-то ихнюю“..?

Такъ пишетъ сторонникъ общины. А вотъ голосъ крестьянина, который негодуетъ на общинные порядки.

Вотъ что разсказываетъ крестьянинъ Адріанъ (въ

журналѣ „Хуторянинъ“): „Желая узнать на опытѣ доходность земли такъ удобренной и обработанной, какъ совѣтуютъ лучшіе сельскіе хозяева и агрономы, я приступилъ къ дѣлу. Въ концѣ апрѣля и до половины мая я возилъ навозъ въ поле, насыпая его кучами и прикрывалъ его землей, чтобы онъ не высыхалъ; съ половины мая я сталъ было его запахивать; но тутъ-то и встрѣтилъ препятствія. Однообщественники донесли о моихъ работахъ волостному старшинѣ и сельскому старостѣ; послѣдніе собрали сходъ, на которомъ постановили, чтобы раньше времени никто не смѣлъ пахать землю; если же кто вздумаетъ пахать, то отобрать у него всѣ части отъ плуга, безъ которыхъ пахать нельзя, и заложить ихъ за деньги кому-нибудь, чтобы потомъ хозяинъ, выкупая ихъ, былъ бы наказанъ въ видѣ штрафа, а также не имѣлъ бы возможности пахать безъ разрѣшенія... Всѣ мои надежды на успѣхъ рушились, всѣ мои планы были уничтожены; мнѣ было до боли досадно, что я не могу такъ разработать поле, какъ мнѣ желалось и когда я хочу. Я связанъ обществомъ: безъ общества я, значитъ, самовластно не могу пахать, когда слѣдуетъ, землю, я несамостоятеленъ и завишу отъ общества; значитъ, если оно получаетъ плохой урожай, то и мнѣ не даютъ получить больше; если однообщественники голодаютъ, то и меня заставляютъ быть голоднымъ; могу сказать смѣло, что здѣсь есть упущеніе и даже несправедливость. Желательно бы было, чтобы кто-нибудь мощною рукою разорвалъ бы эти общественныя взаимности и связи“...

Таковы голоса противъ общины...

И много можно было бы привести крестьянскихъ мнѣній, какъ за общину, такъ и противъ общины...

Кто же правъ: защитники ли общины или ея противники; можетъ ли общинная жизнь быть улучшенной для того, чтобы крестьянство могло избѣжать недостатковъ общиннаго землевладѣнія и воспользоваться ея выгодами? Легко ли будетъ уничтожить въ русской жизни

общинное владѣніе, если окажется, что оно, дѣйствительно, приноситъ больше зла, чѣмъ пользы?—На всѣ эти вопросы мы можемъ отвѣтить основательно только въ томъ случаѣ, если познакомимся основательно съ тѣмъ, откуда и какъ пошла русская община и какъ идетъ общинная жизнь въ различныхъ частяхъ нашего обширнаго отечества.

Откуда и какъ пошла крестьянская община.

Для того, чтобы понять, откуда и какъ пошла русская община, надо присмотрѣться къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ крестьянинъ садится впервые на землю и устраивается со своимъ хозяйствомъ, гдѣ онъ находитъ свободную, никѣмъ не занятую землю, гдѣ эту землю ему не приходится ни покупать, ни продавать, а прямо брать, занимать...

Такихъ свободныхъ земель, такого „дикаго поля", какъ ихъ называютъ крестьяне, до самаго послѣдняго времени было не мало на сѣверѣ и востокѣ Европейской Россіи, а особенно въ Сибири. Вотъ почему изслѣдователямъ народнаго быта удалось точно и опредѣленно описать, какъ происходилъ такой захватъ, такая заимка свободныхъ земель и какъ такія земли въ концѣ концовъ оказывались въ общинномъ владѣніи. Изъ старинныхъ описаній, которыя дошли до насъ, мы видимъ, что совершенно такой же порядокъ захвата свободныхъ земель существовалъ и вездѣ, когда все наше государство представляло изъ себя одно сплошное „дикое поле", когда всѣ почти земли можно было считать „ничьими" да „божьими"... Значитъ, наукой теперь установлено прочно, какъ производитъ русское крестьянство захватъ, заимку свободныхъ земель и какъ, слѣдовательно, изъ этого образуется общинное владѣніе.

По широкой русской равнинѣ, пересѣченной рѣками и рѣчушками, перерѣзанной кое-гдѣ холмами и горками, залегли непроходимые, вѣковые лѣса, между которыми кой-гдѣ блестѣла зеркальная гладь озеръ, мѣстами раскинулись непроходимыя трясины. Тамъ, къ югу, гдѣ оканчивались лѣса, развертывалась безпредѣльная степная гладь. Вотъ эту-то неизмѣримую равнину лѣсовъ и степей и долженъ былъ заселить русскій народъ; эти лѣсныя чащи и степное приволье и досталось на долю русскаго крестьянства.

Первыми приходили въ лѣса охотники-звѣроловы, которымъ лѣсная чаща давала достаточно и пушного звѣря и дичи, а въ степь шли скотоводы, которые на буйныхъ степныхъ травахъ выкармливали свои табуны лошадей, стада овецъ и козловъ. На вольной „ничьей“ землѣ, на этомъ „дикомъ полѣ“ и скотоводамъ и охотникамъ жилось сначала свободно и сытно. Когда же звѣря и дичи въ лѣсахъ становилось меньше, а на лугахъ выѣдалъ скотъ траву, человѣкъ поднимался и переходилъ на новое мѣсто, захватывалъ новыя земли... Человѣкъ велъ *бродячую* жизнь...

Но по мѣрѣ того, какъ населеніе росло и увалечивалось, бродячая жизнь стала встрѣчать все больше и больше препятствій. Все чаще и чаще натыкался звѣроловъ на лѣса и рощи, гдѣ звѣрь распуганъ, а дичь истреблена другимъ человѣкомъ, попавшимъ сюда раньше; все чаще и чаще скотоводу попадались пастбища, выѣденныя и помятыя чужими стадами. Бродячая жизнь во многихъ мѣстахъ перестала кормить человѣка. Пришлось тогда ему переходить мало-по-малу *къ земледѣлію.*

Земледѣліе крѣпче привязало человѣка къ землѣ, крѣпче заставило захватить его ту землю, на которой построилъ онъ свою избу, расчистилъ себѣ изъ подъ лѣсу пашню, отыскалъ добрый сѣнокосъ... Земля теперь стала кормить человѣка съ его семьей съ меньшей площади, чѣмъ нужно было скотоводу или звѣролову; земле-

дѣлецъ сталъ бросать бродячую жизнь и перешелъ къ жизни *осѣдлой.*

Но тамъ, гдѣ тѣсно было для бродячей жизни, тамъ еще много простору оставалось для жизни осѣдлой. А потому еще долгое время первый русскій земледѣлецъ находилъ свободныя „ничьи“ земли для своей пашни и своихъ покосовъ; долгое время жилъ онъ такъ, какъ недавно еще жили во многихъ сибирскихъ степяхъ, —по правилу: *„селись,—гдѣ спѣешь, живи—гдѣ знаешь, паши—гдѣ лучше, паси—гдѣ любче, коси—гдѣ густо, лѣсуй* (лови звѣрей)—*гдѣ пушно* (много звѣря)“.

Какъ же селился такой новый пахарь на новомъ мѣстѣ?—Въ разныхъ мѣстахъ разно, смотря по тому, что онъ находилъ тамъ, гдѣ ему пришлось осѣсть. Въ черноземныхъ степяхъ онъ селился обыкновенно сразу большими деревнями вдоль рѣчекъ и озеръ. Большому поселку не такъ страшны были набѣги и грабежи тѣхъ кочевыхъ племенъ, которыя еще долго шныряли по степному простору послѣ того, какъ русскій крестьянинъ началъ воздѣлывать свои поля; въ то же самое время здѣсь, на черноземѣ, для полей не требовалось удобренія, земля—благодатная: родитъ сама, безъ навоза, а потому не бѣда, если пахотный участокъ выйдетъ и подальше отъ поселка; наконецъ, вѣдь и самые пахотные участки постоянно смѣнялись; поднять новь—дѣло здѣсь не трудное, а на нови всегда урожай выходитъ лучше. Другое дѣло, когда новоселу приходилось садиться не въ степи, а въ лѣсу. Здѣсь каждый шагъ приходилось отвоевывать отъ лѣсу; здѣсь нелегко переберешься на новину, потому что новину можно достать только изъ-подъ лѣсу: поди, выруби его, да выкорчуй, да оберегай постоянно отъ молодой лѣсной поросли; а потомъ вѣдь и не каждое лѣсное мѣсто годится подъ пашню: въ одномъ мѣстѣ одинъ клочекъ выберется, въ другомъ другой; да и почва то лѣсная безъ удобренія плохо родитъ; значитъ, надо возить навозъ, а по лѣсу навозъ этотъ далеко не навозишься; надо, стало

быть, поближе быть къ своему участку. Вотъ почему земледѣльцы въ лѣсной полосѣ селились небольщими поселками. Такъ и теперь осталось это. Въ Пермской—лѣсной—губерніи, напримѣръ, средній размѣръ деревни равняется пяти дворамъ, а въ губерніяхъ черноземныхъ: Воронежской, Самарской, Саратовской, Черниговской, Таврической, меньше ста дворовъ деревню и не встрѣтишь, а иныя деревни попадаются по тысячи и болѣе дворовъ.

Впрочемъ и въ лѣсной полосѣ русскій крестьянинъ не остался жить на своихъ заимкахъ отдѣльными хозяйствами-хуторами. Не то ли ужъ такая привычка, не то ли страхъ лихого человѣка, но и здѣсь крестьянинъ предпочиталъ жаться другъ къ другу. Такъ на заимкѣ устраивалось нѣсколько семействъ, большею частью родственныхъ другъ другу, образовывался, какъ принято говорить, починокъ; починокъ увеличивался,—являлась деревня.

Вокругъ деревни со всѣхъ сторонъ примыкаютъ къ ней пастбища и пашни. За этими ближними полями поднимается лѣсъ или развертывается нетронутая степь; здѣсь въ этомъ лѣсу или въ этой степи появляются новыя заимки тѣхъ хозяевъ, которымъ стало тѣсно на деревенскихъ поляхъ. Такіе хозяева выбираютъ себѣ клочекъ лѣса, расчищаютъ, заводятъ пашню и выѣзжаютъ сюда на недѣлю или на двѣ для работы; на такихъ ближнихъ заимкахъ нѣтъ ни хлѣвовъ, ни избъ. Но за этими ближними заимками, которыя устраиваются, по большей части, бѣдными или малосемейными хозяйствами, появляются дальнія, большія заимки тѣхъ хозяевъ, которые побогаче и посильнѣе. Тамъ, подальше отъ деревни, полный просторъ; тамъ есть, гдѣ развернуться хозяину, у котораго имѣется и лишняя скотинка, и лишняя рабочая сила. Но туда съ работами надо забираться уже не на недѣлю, не на двѣ, а часто на все лѣто, а не то съ поѣздками домой и времени потеряешь

много, и скотину зря вымотаешь... Тутъ на этихъ дальнихъ заимкахъ выстраивается и хлѣвъ для скота и изба, по крайней мѣрѣ, лѣтняя. Кончились на такой заимкѣ работы, и крестьянинъ торопится на хмурую осень и долгую зиму возвратиться къ себѣ, въ деревню, а постройки остаются пустыми до слѣдующей весны...

Но вотъ въ деревнѣ становится тѣсно... Нѣкоторыя семьи дѣлятся... Куда же дѣваться новымъ семьямъ?... Конечно, удобнѣе всего выселиться на дальнія заимки: и мѣсто знакомое, и постройки кое-какія сдѣланы, и пашня заведена, да и отъ своихъ не Богъ вѣсть, какъ далеко... Такъ *появляется новый поселокъ; со временемъ онъ разростается въ починокъ, изъ починка образуется деревня, а изъ деревни пойдутъ новые поселки, починки, деревни*... Такъ и заселялась земля наша.

Мало-по-малу вокругъ каждой деревни появляется цѣлая сѣть новыхъ деревень. Когда деревня была одна, съ землей ладиться было все-таки нетрудно. Хочется новую пашню завести или новый сѣнокосъ найти, иди подальше въ лѣсъ и выбирай, что Богъ пошлетъ. Сосѣдей немного: каждый знаетъ, у кого какая заимка сдѣлана. Споровъ большихъ не бываетъ... Другое дѣло, когда со всѣхъ сторонъ подопрутъ другія деревни... Выберешь себѣ и славное мѣстечко, а окажется, что его давно облюбовалъ крестьянинъ изъ другой деревни... Границъ-то вѣдь на этомъ „дикомъ полѣ“ никто не клалъ, столбовъ межевыхъ никто не ставилъ, просѣкъ никто не сѣкъ... Какъ тутъ споръ такой рѣшить?

Народный умъ и народная совѣсть стали рѣшать его правильно... А какъ,—лучше всего можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ... Одинъ крестьянинъ нашелъ камень для мельничнаго жернова и сдѣлалъ на немъ отмѣтку: моя молъ собственность и никто трогать ее не смѣй; но пріѣхалъ другой крестьянинъ и, несмотря на мѣтку, взялъ этотъ жерновъ себѣ. Начался судъ. Судъ рѣшилъ споръ въ пользу второго крестьянина, потому что имъ былъ за-

траченъ трудъ на перевозъ, а первый никакого труда на свою находку не положилъ.

Такъ и повсюду больше рѣшались дѣла. Выйдетъ споръ изъ-за клочка сѣнокоса, или изъ-за шмата пашни, сейчасъ люди смотрятъ, *кто больше труда* положилъ на этотъ сѣнокосъ, или на эту пашню, тому и долженъ принадлежать спорный участокъ. Крестьянство, значитъ, стало признавать *право труда*. Такъ и поговорка сложилась: „Владѣть человѣкъ долженъ только тѣмъ мѣстомъ, *куда его топоръ, коса и соха ходила*; не тамъ, гдѣ онъ захотѣлъ, а тамъ, гдѣ свой трудъ вложилъ.“

Но если землей завладѣвалъ тотъ, кто въ нее вкладывалъ свой трудъ, то всѣ угодія, на которыхъ производились какія-либо работы, должны были бы принадлежать отдѣльнымъ хозяевамъ, которые на нихъ косили, пахали, возводили постройки, рубили лѣсъ, ловили рыбу и. т. д., а никакъ не деревенской общинѣ. Откуда же взялось тутъ общинное право? Какъ при подобныхъ воззрѣніяхъ могло явиться убѣжденіе, что владѣтелемъ извѣстной земли являются всѣ хозяева деревни, а не каждый—своего отдѣльнаго участка?

Причинъ на это было много.

Прежде всего, когда вокругъ какой-либо деревни появился цѣлый рядъ новыхъ деревень, поселковъ и починковъ, начался *споръ изъ-за границъ*. Само собою разумѣется, что въ спорѣ о томъ, гдѣ начиняется владѣніе одного и кончается владѣніе другого, должна была принимать участіе вся деревня каждаго изъ спорщиковъ. Прежде всего большая часть однодеревенцевъ была связана между собой родственными отношеніями; затѣмъ каждой деревнѣ было интересно, чтобы за ней было признано побольше лучшей земли, потому что эта земля легче всего обмѣнивалась, дарилась, наслѣдовалась именно между однодеревенцами. Такимъ образомъ, вся деревня бывала заинтересована въ каждомъ спорѣ изъ-за земли, который поднимался между жителями сосѣднихъ дере-

вень; всѣ хозяева привыкали вмѣшиваться въ такіе земельные споры; народъ привыкалъ считать себя сначала высшимъ судьей надъ землей, потомъ главнымъ распорядителемъ, и, наконецъ, хозяиномъ земли не отдѣльныхъ жильцовъ деревни, а всѣхъ ея жителей, иначе говоря—деревенскую общину.

Но споры изъ-за земли должны были происходить не только между жителями сосѣднихъ деревень, а и между жителями одной и той же деревни, одного и того же починка или одного и того же поселка. По мѣрѣ того, какъ окрестность заселялась все гуще и гуще, начиналось чувствоваться *утѣсненіе* въ томъ или другомъ угодьѣ. Въ одномъ мѣстѣ было много сѣнокосу, но мало пахотныхъ участковъ; въ другомъ много лѣсу, но мало хорошихъ сѣнокосныхъ участковъ и т. д. Въ одномъ мѣстѣ отдѣльные хозяева понахватали много сѣнокосу въ ущербъ другимъ, въ другомъ—пашни, въ третьемъ—лѣсу. Такое утѣсненіе въ угодьяхъ чувствовалось особенно тяжело, если мѣстность постигало какое-нибудь несчастье или неудача. Если, напримѣръ, въ обычный годъ не происходило споровъ изъ-за сѣнокоса, то въ годъ неурожая травъ споры эти вспыхивали неудержимо. Тогда особенно чувствовалась та мысль, что если каждый имѣлъ право захватить себѣ отдѣльный участокъ, такъ это только потому, что *право на такой захватъ земли принадлежало всѣмъ: всѣ обладали такимъ же правомъ захвата*. Такимъ образомъ, сильные хозяева, захватившіе большіе и лучшіе участки, оказывались вынужденными поступиться въ пользу остальныхъ деревенцевъ своими правами на землю, подѣлиться хотя бы временно своими землями со своими сосѣдями по деревнѣ. Что это именно такъ и бывало и бываетъ, можно привести многочисленные случаи. Въ Забайкальской области и теперь еще имѣется полный сѣнокосный просторъ, и каждая семья отгораживаетъ свой участокъ, на которомъ и убираетъ сѣно. Но когда бываетъ неурожай травъ, то бѣдные, ко-

торые въ обычное время могутъ отгородить, а значитъ захватить лишь небольшіе участки, не смотрятъ на эти изгороди, косятъ себѣ спокойно на участкахъ состоятельныхъ лицъ и никто имъ въ этомъ препятствія не чинитъ. Такимъ образомъ, въ душѣ народа крѣпко закладывается мысль, что высшимъ-то распорядителемъ земли, настоящимъ владѣльцемъ слѣдуетъ считать не отдѣльныхъ хозяевъ деревни, а всѣхъ хозяевъ деревни, т. е. цѣлую общину.

И въ другихъ во многихъ случаяхъ настоящимъ хозяиномъ приходится волей-неволей выступать общинѣ. Просится, напримѣръ, въ деревню новожилъ. Какъ ему возможно поселиться здѣсь безъ согласія всей деревни? Или вотъ еще случай: одинъ сосѣдъ началъ ужъ очень „подступать“ къ другому, припираетъ своей землей, не даетъ ему ни проходу, ни проѣзду, ни даже мѣста для поворота сохи или бороны,—добромъ никакъ не поладить; опять идутъ къ міру, опять община выступаетъ въ качествѣ судьи и главнаго распорядителя земли. А множество различныхъ споровъ изъ-за наслѣдства на различные участки? И тутъ опять главнымъ рѣшителемъ обыкновенно ставятъ міръ, общину. А такіе случаи, когда надо отвести мѣсто подъ мельницу, школу или другое общеполезное учрежденіе, а всѣ хорошіе участки разобраны между отдѣльными хозяевами?... Кто тутъ будетъ судьей и распорядителемъ земли?—Конечно, община. А кто можетъ распорядиться выморочными участками, т. е. землями, хозяинъ которыхъ померъ, а наслѣдниковъ никакихъ не осталось?—Опять таки только всѣ хозяева деревни, опять таки, слѣдовательно, только община. И много еще такихъ случаевъ въ жизни крестьянства, когда распорядителемъ земли должна была выступать община, не смотря на то, что хозяиномъ каждаго отдѣльнаго участка считался тотъ, кто вложилъ въ него больше своего труда. Мы остановимся здѣсь только еще на одномъ важномъ случаѣ, когда крестьянству при-

ходилось считаться съ правами общинной собственности.

Мы уже говорили много разъ, что народъ все больше и больше привыкалъ считать истиннымъ хозяиномъ земли того, кто вкладывалъ въ землю свой трудъ. Но вѣдь бывали такіе случаи, когда на тотъ или другой участокъ земли вкладывался трудъ не отдѣльными лицами, а цѣлой деревней, всѣми домохозяевами деревни, всей общиной, или, по крайней мѣрѣ, артелями, въ которыхъ участвуетъ по нѣскольку или даже помногу домохозяевъ одной и той же деревни. Такая общая работа на землѣ во многихъ мѣстахъ сохранилась до самаго послѣдняго времени. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ Воробьинской вол. Сольвычегодскаго уѣзда Вологодской губ. крестьяне сообща расчищаютъ лядины (лѣсные участки подъ пашню). „Каждый домохозяинъ выставляетъ обыкновенно съ этою цѣлью опредѣленное число работниковъ, столько, сколько и всякій другой и если при этомъ у него не хватаетъ въ семьѣ рабочихъ рукъ, то въ такомъ случаѣ онъ нанимаетъ недостающихъ работниковъ на сторонѣ. Каждый участникъ харчуется на свой счетъ; на свой счетъ участники содержатъ также и необходимыя орудія труда. Сообща участники рубятъ лѣсъ и „катятъ“ новину, сообща сѣютъ, внося каждый приходящуюся на него долю сѣмянъ, сообща жнутъ и возятъ хлѣбъ, сообща затѣмъ молотятъ и окончательно обмолачиваютъ зерно. Въ концѣ концовъ они дѣлятъ на равныя доли, какъ само зерно, такъ и солому и другіе получающіеся при молотьбѣ побочные продукты и каждый получаетъ свою совершенно равную съ другими часть. Этимъ и оканчиваются взаимныя обязательства членовъ общинъ“. Во многихъ общинахъ крестьяне косятъ траву артелью, состоящею изъ жителей цѣлой деревни, и дѣлятъ между собою сѣно, Такія артели встрѣчаются въ губерніяхъ: Орловской. Тамбовской, Вологодской, Петербургской, Архангельской,

Псковской и др. Очень часто встрѣчается артельное сѣнокошеніе нѣсколькими соединившимися крестьянами...

Часто крестьяне соединяются вмѣстѣ для осушки болотъ. Напримѣръ, въ Туксинской дачѣ Олонецкаго уѣзда болѣе 800 крестьянъ соединились на общую работу и въ четыре года, осушивъ огромный участокъ, получили прекрасный сѣнокосъ, которымъ и пользуются сообща. Въ с. Якимовскомъ, Ярославской губерніи, крестьянамъ для осушки болота пришлось прорыть канаву въ 5 верстъ длиною, что они и сдѣлали общими силами.

Точно такъ же соединяются крестьяне и для общихъ работъ по орошенію полей, садовъ и огородовъ. Такіе случаи наблюдаются, напримѣръ, въ Забайкальѣ. Общими силами цѣлой деревни исполняются иногда и другія работы. Такъ, напримѣръ, косится камышъ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ около тысячи крестьянъ окопали канавой общественный лѣсъ. Въ Орловскомъ уѣздѣ Вятской губерніи артелями сѣется рѣпа, чтобы удобно было охранять ее отъ воровъ. Въ Воскресенской волости Архангельской губерніи крестьяне составили артель изъ пяти деревень, чтобы сообща вырывать ядовитыя травы...

И много можно было бы привести такихъ примѣровъ гдѣ крестьяне сообща работаютъ на землѣ. Если такія работы встрѣчаются въ настоящее время, то еще чаще онѣ должны были встрѣчаться прежде, когда крестьянство только что садилось на землю, когда борьба съ лѣсомъ, и звѣремъ, и лихимъ человѣкомъ была особенно тяжела и когда часто безъ общей работы ничего отъ земли нельзя было добиться. А мы уже видѣли, что крестьянство наше привыкло сыздавна смотрѣть такъ: чей трудъ, того и земля; кто работаетъ на землѣ, тотъ и хозяинъ ей. Если, значитъ, работаетъ на землю вся деревня, община, то и хозяиномъ той земли должна быть вся же деревня, община же. Слѣдовательно, эти случаи еще больше пріу-

чали крестьянство думать о землѣ, какъ объ общинной собственности, а не какъ о собственности отдѣльныхъ лицъ.

Такимъ образомъ оказывается, что если было много причинъ, которыя пріучали крестьянъ къ личной собственности на землю, то не мало было причинъ, которыя пріучали смотрѣть на землю, какъ на общинную собственность. Такъ складывались два взгляда. Сторонники обоихъ взглядовъ боролись между собой. Посмотримъ, какъ же все-таки установилась общинная собственность у той бо́льшей половины русскаго крестьянства, у которой общинные порядки встрѣчаются и сейчасъ.

Мы уже сказали, что по мѣрѣ того, какъ земля захватывалась отдѣльными лицами и начиналось чувствоваться земельное „утѣсненіе“, община стала вводить свои распорядки въ дѣло захвата окружной земли. Теперь мы посмотримъ, каковы же были эти распорядки и какимъ образомъ общинѣ удалось пріучить крестьянство къ тому, что настоящимъ распорядителемъ земли долженъ быть не тотъ или другой хозяинъ въ деревнѣ, а всѣ деревенскіе жители, вся община.

Прежде всего, какъ ужъ было сказано, община стала проявлять свою власть по отношенію къ *посторонним лицамъ*, которыя хотѣли воспользоваться какимъ-нибудь угодьемъ въ той мѣстности, гдѣ земли были разобраны крестьянами той или другой деревни. Пока захватъ земли производился своими, однодеревенцами, и пока земли было достаточно, община не вмѣшивалась въ эти захваты. Но вотъ приходитъ посторонній человѣкъ; ни онъ, ни его отцы и дѣды не принимали участіе въ устройствѣ поселка, ни расчищали дремучаго лѣса, ни прокладывали дорогъ по трясинамъ, ни изводили лютыхъ звѣрей, ни отбивались отъ лихихъ людей. Ни онъ, значитъ, ни его отцы и дѣды не вкладывали въ эту землю труда, безъ котораго и сама земля ничего не стоила бы... Само собою разумѣется, что подпустить такого новичка къ этой землѣ,

всосавшей въ себя трудъ многихъ поколѣній однодеревенцевъ, нѣтъ возможности безъ согласія всѣхъ хозяевъ деревни, всей общины. Такимъ, образомъ, надъ такими припущенниками впервые начинаетъ сказываться власть общины надъ землей.

Но дальше—община или міръ, начинаютъ распоряжаться *и надъ своими однодеревенцами*. Сначала община проявляетъ свою власть большею частью надъ *сѣнокосами*. Съ распоряженіемъ общины надъ сѣнокосами легче примиряются и отдѣльные домохозяева. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы завладѣть тѣмъ или другимъ сѣнокоснымъ участкомъ, большого труда не требуется. Это вѣдь не то, что пашня. Значитъ, когда покосовъ стало мало, то каждому хозяину легче всего понять, что онъ своими захваченными мѣстами долженъ поступиться въ пользу другихъ менѣе удачливыхъ хозяевъ уже по тому одному, что право на владѣніе землей даетъ трудъ, который вложенъ въ землю, а въ сѣнокосный участокъ такого труда или вложено очень мало или вовсе не вложено: люди приходили и брали траву, которая сама собою выросла подъ Божьемъ солнышкомъ, при Божьемъ дождикѣ.

Какъ же начинаетъ проявлять свою распорядительность община надъ сѣнокосными участками?

Прежде всего міръ запрещаетъ выходить на покосъ кому бы то ни было раньше того *срока*, который имъ назначенъ. А то вѣдь, когда начнется утѣсненіе въ покосныхъ участкахъ, всѣ полѣзутъ на покосы какъ можно раньше, чтобы захватить побольше участокъ. Не дадутъ травѣ и вызрѣть, какъ слѣдуетъ; сколько перепортятъ не подросшей травы! Выйдетъ одинъ только безпорядокъ и убытокъ для всѣхъ. Вотъ почему, дѣйствительно, оказывается полезнымъ сообща установить общій срокъ; *сама жизнь*, общая выгода *требуетъ*, чтобы въ это дѣло вмѣшалась община.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на мірскомъ сходѣ и дѣлаютъ одно только постановленіе на счетъ дня, съ кото-

раго слѣдуетъ начать покосъ. Въ другихъ мѣстахъ при этомъ устанавливается *порядокъ*, какъ должно выѣзжать или выходить на покосъ. Въ Тобольскій губ., напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще до восхода солнца всѣ хозяева собираются около околицы на телѣгахъ и верхомъ на лучшихъ лошадяхъ и ждутъ, когда будетъ поданъ условный знакъ, —тогда всѣ бросаются вскачь къ сѣнокосу и каждый старается попасть на лучшее покосное мѣсто.

Но вѣдь мало еще назначить день. Правда, опредѣленіемъ точнаго срока для начала покоса, въ пользованье покосомъ вносится много порядка; но вмѣстѣ съ тѣмъ остается еще много неправды и несправедливости. Первую несправедливость міръ уничтожилъ назначеніемъ срока; мало-по-малу онъ добирается и до остальной неправды.

Прежній порядокъ состоялъ въ томъ, чтобы каждый, попавши на излюбленное имъ мѣсто, закосилъ, какъ можно бо́льшій кругъ. Что попало въ этотъ кругъ, то и остается покосомъ этому хозяину. Но вѣдь кругъ кругу выходитъ рознь, въ зависимости отъ того, сколько выйдетъ рабочихъ на закосъ такого круга... Вотъ почему міръ, община опредѣляетъ, *сколько и какихъ наемныхъ рабочихъ можно брать на такой закосъ*. Напримѣръ, разрѣшаютъ брать столько наемныхъ рабочихъ, сколько за семьей считается ревизскихъ душъ; или позволяютъ брать однихъ годовыхъ рабочихъ; или и всякихъ другихъ, кромѣ поденщиковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устанавливаются порядки, еще болѣе строгіе. На Дону, напримѣръ, еще тридцать—сорокъ лѣтъ тому назадъ, было правило: „каждый казакъ имѣлъ право выкосить такой участокъ, какой онъ сможетъ самолично обкосить съ восхода до захода солнца“.

Само собою разумѣется, что при „закосѣ“ участки достаются опять таки неравномѣрные: все зависитъ отъ удачи да отъ силы того или другого хозяина. Удалось

захватить мѣсто поровнѣе и закосишь больше, попалъ на мѣсто неровное, кочковатое и закосъ выйдетъ небольшой; опять таки тотъ, кто крѣпче, сильнѣе, успѣетъ и закоситъ бо̀льшій кругъ, чѣмъ человѣкъ слабосильный. Вотъ почему отъ „закоса“ во многихъ общинахъ приходятъ къ другому порядку. Такъ, каждый уже не обкашиваетъ свой покосъ, а коситъ прямо, куда коса ведетъ. Но для того, чтобы косцы не скоплялись къ одному мѣсту, начинаютъ передъ покосомъ міромъ осматривать покосные участки, а потомъ договариваются между собой: „ты здѣсь коси, а я тамъ“. Но и тутъ, конечно, много должно быть споровъ и раздоровъ, потому, что никому не указаны границы его участка; и тутъ, кочечно, притѣсненіе терпятъ главнымъ образомъ малосемейныя и малопомощныя хозяйства. Тогда, чтобы прекратить эти раздоры и сдѣлать болѣе справедливымъ пользованіе покосами, община начинаетъ требовать, чтобы каждый передъ покосомъ указалъ то мѣсто, которое онъ собирается скосить, и отъ тѣхъ, которые выдѣлили себѣ слишкомъ большіе участки, отрѣзается извѣстная доля въ пользу обиженныхъ. А отсюда, отъ такихъ порядковъ, недалеко уже до того, что община сначала раздѣлитъ весь покосъ между своими членами, а потомъ уже допускаетъ ихъ косить сѣно.

Такъ мало-по-малу, шагъ за шагомъ, ограничивается право захвата, а община получаетъ все бо̀льшую и бо̀льшую власть въ распоряженіи надъ землей. И такого порядка требуетъ не чья нибудь прихоть, а ходъ самой жизни. *Власть общины надъ землей выростаетъ потому, что только при такомъ распорядкѣ получается наибольшая справедливость и наибольшее удобство въ деревенской жизни. Власть эта создана самой жизнью.* Когда жители деревни попривыкнутъ къ тому, что община, весь міръ, должна распоряжаться такими угодьями, какъ покосы, они начинаютъ задумываться надъ тѣмъ, что было бы справедливо, если бы власть міра была установлена и надъ дру-

гими угодьями, какъ пашня, куда каждый членъ вноситъ уже больше труда, чѣмъ этого требуютъ покосы.

И это тоже выходитъ неизбѣжно. Выходитъ оттого, что участки, годные для пашни, быстро захватываются многосемейными и сильными хозяйствами, а слабый хозяинъ, куда ни ткнется, вездѣ встрѣчаетъ или поднятую цѣлину или опаханное мѣсто. Тогда въ деревнѣ начинаются разговоры о томъ, что если ты опахалъ какое-нибудь мѣсто, такъ ты и паши, а не оставляй его ждать тебя, а другихъ мыкаться безъ пашни. Значитъ, начинаютъ назначать срокъ для захвата: черезъ два года, черезъ годъ послѣ того, какъ поставилъ мѣтку; наконецъ, захваченнымъ мѣсто считаютъ только послѣ того, какъ оно дѣйствительно выпахано, а за другими мѣтками и вовсе силы не признаютъ.

Но вѣдь изъ-за того, что ты разъ землю поднялъ, не оставлять ее навсегда за тобой. Земля урожаемъ вознаградила трудъ человѣка; если мало за разсчистку отдать земли на одинъ урожай, пускай ее отдадутъ на два, на три, на десять, наконецъ, на сорокъ лѣтъ, но не навсегда. Наконецъ, надо смотрѣть и на то, какая земля поднята. Если пашня расчищена изъ-подъ глухой тайги, то одинъ трудъ, одна и награда за трудъ; если же она взята изъ подъ легкой заросли, то иной трудъ, иная награда. Разсчетъ долженъ быть, глядя по мѣсту, глядя по труду, нужно и землю оставлять за человѣкомъ то на большее число лѣтъ, то на меньшее.

Такимъ образомъ, и тутъ, на пашнѣ захватъ земель все больше и больше ограничивался распоряженіемъ общины, а вмѣстѣ съ тѣмъ все больше и больше привыкали крестьяне смотрѣть на общину, какъ на окончательнаго хозяина земли, привыкали къ общиннымъ порядкамъ.

Само собою разумѣется, что порядки эти устанавливались постепенно, мало-по-малу. Много десятковъ, а иногда и сотенъ лѣтъ проходило отъ того времени, ког-

да землю захватывали кто какъ хотѣлъ, до того времени, когда всей землей стала распоряжаться община. Въ одномъ мѣстѣ общинные порядки привились скорѣе, въ другомъ къ нимъ привыкали туго, въ нихъ не чувствовалось еще такой нужды, народъ не сумѣлъ понять ихъ пользы... Вотъ почему въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи имѣются различные общинные порядки и примѣняются они съ различной пользой и различнымъ умѣньемъ.

Какіе общинные порядки наблюдаются теперь въ Россіи.

До 1858 года, т. е. почти до самаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, правительство черезъ каждыя 15—20 лѣтъ устраивало перепись сельскаго населенія, для того, чтобы собирать подушную подать, т. е. подать съ каждаго отдѣльнаго лица. А такъ какъ подушная подать собиралась только съ лицъ мужского пола, или мужскихъ душъ, то въ перепись или, какъ она называлась, *въ ревизію* вносились лишь души мужского пола, которыя во время ревизіи находились въ той или другой деревнѣ. Такимъ образомъ *ревизскими душами* назывались всѣ лица мужского пола, попавшія въ ревизскія списки.

Когда въ началѣ 60-хъ годовъ освобожденные отъ крѣпостной зависимости крестьяне получили землю въ надѣлъ, то земля надѣлялась имъ по числу ревизскихъ душъ въ каждой деревнѣ. Это значитъ, что каждой деревнѣ отмѣрялось столько извѣстныхъ долей земли, сколько въ этой деревнѣ было записано лицъ мужского пола въ послѣднюю ревизію, т. е. въ 1858 году. Земля эта, какъ извѣстно, была оставлена въ общинномъ владѣніи.

Получивши землю *по числу ревизскихъ душъ,* общины

въ громадномъ большинствѣ случаевъ и раздѣляли ее по ревизскимъ душамъ. Такимъ образомъ, если въ какой-нибудь семьѣ было всего шесть человѣкъ, но изъ этихъ шести человѣкъ душъ мужского пола къ 1858 г. было только двое, то эта семья и получала надѣлъ на двѣ души. Если же въ такой семьѣ пятеро были записаны въ ревизію 1858 г., то эта семья получила больше земли, а именно—на пять душъ.

Само собою разумѣется, что при такомъ порядкѣ земля очень скоро оказалась распредѣленной еще болѣе не равномѣрно. Вѣдь одни умирали, другіе нарождались, третьи выселялись изъ деревни, четвертые обосновывались въ ней заново... Значитъ, распредѣленіе земли по ревизскимъ душамъ показываетъ, что та община, которая держится подобнаго порядка, можетъ быть признана за общину только по одному названію, а настоящихъ общинныхъ порядковъ въ ней вовсе нѣтъ, потому что каждая семья пользуется той долей, которая досталась ей отъ отцовъ и дѣдовъ и въ ея земельной долѣ никакихъ перемѣнъ не ожидается. Слѣдовательно, такая община, гдѣ имѣется ревизское распредѣленіе земли, оказывается какъ бы застывшей общиной, неспособной проявлять свои общинныя права на землю. Если бы на землѣ русской всѣ общины были бы такими, то съ полной основательностью можно было бы утверждать, что народъ отказался отъ своихъ общинныхъ правъ, что крестьянство считаетъ общинные порядки для себя вредными.

Однако, пользованье землей по ревизскимъ душамъ во многихъ мѣстахъ нашей родины послѣ освобожденія долго не сохранилось нетронутымъ. Прежде всего крестьянство, привыкнувъ къ тому, что передѣлы земли производились лишь въ годы ревизскихъ переписей, устраиваемыхъ правительствомъ, долгое время не знало, что каждая община можетъ по своему рѣшенію приступить къ передѣлу своей земли, собравши только въ пользу этого мнѣнія двѣ трети голосовъ всѣхъ домохозяевъ.

Благодаря этому незнакомству съ закономъ, благодаря тому, что некому было разъяснить крестьянству на мѣстахъ его истинныя права, во многихъ мѣстахъ общины сохранили распредѣленіе земли по ревизскимъ душамъ, хотя уже давно чувствовалась потребность перейти къ другому порядку распредѣленія земли.

А причинъ, которыя заставляли бы отъ ревизскаго распредѣленія земли перейти къ другому, было много.

Прежде всего въ народѣ жила мысль, что земля должна быть „ничья“, „Божья“; что каждый имѣетъ право требовать себѣ возможности трудиться на землѣ; что право на трудъ нельзя отнять у человѣка потому, что только, трудясь, можно жить. Эти мысли, какъ мы видѣли, слагались въ народѣ исподволь, въ теченіи многихъ сотенъ лѣтъ; эти-то мысли и привели наше крестьянство къ общиннымъ порядкамъ. Значитъ, нельзя было разсчитывать, чтобы эти мысли почему-либо быстро были бы забыты послѣ освобожденія. Нѣтъ, эти мысли сохранялись живо въ народѣ и заставляли крестьянство помнить, что распредѣленіе земли по ревизскимъ душамъ несправедливое.

Затѣмъ, во многихъ мѣстахъ были и другія соображенія, чисто хозяйственныя. Когда крестьянъ освободили отъ крѣпостной зависимости и когда ихъ надѣлили землей, то на нихъ за эту землю наложили такія высокія подати, что землю нерѣдко стало держать невыгодно: подати были выше доходности земли,—сколько, значитъ, на землѣ ни бейся, а все, что съ земли достанешь, отберетъ казна. А вмѣстѣ съ тѣмъ уйти отъ земли нельзя было, такъ какъ по закону всѣ были связаны круговой порукой: община не отпуститъ, не разрѣшитъ выдать паспорта, если домохозяиномъ не уплачены подати и повинности. При такихъ условіяхъ земля являлась для крестьянина тяготой. Тяготу эту не подъ силу было нести тѣмъ домохозяевамъ, которые имѣли много ревизской земли и мало рабочихъ силъ, у которыхъ, слѣдова-

тельно, мало взрослыхъ и крѣпкихъ мужчинъ. Такія семьи раззорялись отъ налоговъ, которые падали на ихъ землю. Они обращались тогда къ міру, къ общинѣ, съ просьбой „свалить“ съ нихъ эту тяжесть, эту излишнюю землю и „навалить“ на тѣхъ, у кого было земли мало, мало слѣдовательно и налоговъ, а работниковъ много. Такъ устанавливались *„свалка и навалка“* земли или, какъ ихъ называютъ еще, *„частные передѣлы“*. При частныхъ передѣлахъ, слѣдовательно, передвигается только часть земли отъ однихъ домохозяевъ къ другимъ по постановленію общины или міра.

Но однако со временемъ крестьянскіе платежи, которые брались прямо съ земли, были понижены, и тогда землю оказалось выгоднымъ держать для многихъ, потому что отъ обработки ея оставался уже чистый барышъ. Многіе изъ крестьянъ, которые побросали землю, которая была тяжестью въ прежніе годы, стали возвращаться теперь назадъ, требовать, чтобы ихъ опять допустили до пользованья землей. Само собою разумѣется, что тѣ, которые держали землю въ тяжелые годы, когда она давала одни убытки, не хотѣли разстаться съ ней теперь, когда она стала давать прибыль. Такъ возникли многочисленные споры, которые все-таки въ концѣ концовъ во многихъ мѣстахъ оканчивались передѣлами.

Была и еще одна причина, которая побуждала крестьянство во многихъ мѣстахъ приступать къ передѣламъ. Въ семидесятыхъ годахъ введена была всеобщая воинская повинность. Эта новая повинность особенной тяжестью пала на многосемейныхъ домохозяевъ, которые большею частью имѣли недостаточно земли, потому что ихъ семьи разрослись уже послѣ десятой ревизіи, по которой производилось надѣленіе землей при освобожденіи крестьянъ. Когда начались наборы въ войска, тѣ семьи, у которыхъ были взяты рекруты, стали указывать на то, что они несутъ теперь новую государственную тяготу, а потому необходимо имъ помочь хотя бы увели-

ченіемъ ихъ земельнаго надѣла. И крестьянство понимало справедливость такихъ требованій, и во многихъ мѣстахъ тогда начинались передѣлы.

Когда крестьянство убѣдилось, что міръ самъ имѣетъ право распоряжаться своей землей, то чаще и чаще начали появляться уже не частные передѣлы, а *передѣлы общіе*, при которыхъ заново распредѣлялась вся надѣльная земля той или другой общины. При такихъ общихъ передѣлахъ, какъ говорятъ крестьяне, *„ломаются межи“*...

Съ какимъ же разсчетомъ производятся и производились эти новые передѣлы?

Разсчеты эти бывали и бываютъ очень разнообразными. Можно, напр., дѣлить землю только *по работникамъ*, т. е. по числу взрослыхъ мужчинъ; иногда при такой разверсткѣ принимаютъ въ разсчетъ и подростковъ мужского пола или *полуработниковъ;* можно передѣлить землю и *по ѣдокамъ*, т. е. по всѣмъ членамъ общины— мужчинамъ и женщинамъ, взрослымъ и подросткамъ, старикамъ и груднымъ ребятамъ,—однимъ словомъ, никого не обходя и не пропуская.

Само собою разумѣется, что въ тѣхъ общинахъ, гдѣ надѣлъ давался всѣмъ въ равной долѣ, гдѣ передѣлъ производился по ѣдокамъ, порядки общинные были наиболѣе справедливые; иначе говоря, въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ общинами, которыя живо относятся къ своимъ правамъ; къ *общинамъ дѣятельнымъ, жизнеспособнымъ.*

Но къ дѣятельнымъ общинамъ можно отнести также и тѣ общины, въ которыхъ совершаются передѣлы и по другимъ разсчетамъ, напр., по наличнымъ мужскимъ душамъ. Правда, разсчетъ здѣсь взятъ менѣе справедливый, но все-таки видно, что община живетъ и пользуется своими правами; тѣмъ болѣе, что часто бываетъ, что отъ менѣе справедливыхъ разсчетовъ община переходитъ потомъ къ разсчетамъ болѣе справедливымъ,— отъ передѣла по мужскимъ душамъ къ передѣлу по ѣдокамъ. Лиха бѣда начать.

Какихъ же общинъ въ Россіи оказалось больше? Дѣятельныхъ или недѣятельныхъ? Сознающихъ свои права или своихъ правъ не сознающихъ?

Отвѣтъ на эти вопросы даетъ извѣстный писатель Качоровскій, который собралъ многочисленныя свѣдѣнія о множествѣ общинъ, разсѣянныхъ почти по всему лицу земли русской. Его изслѣдованіе даетъ ему возможность утверждать, что *три четверти всего населенія, владѣющаго въ Россіи землею на общинномъ правѣ, живетъ въ общинахъ, способныхъ къ дѣятельности, въ общинахъ, сознающихъ свои права, въ общинахъ, которыя уже ведутъ у себя правильные передѣлы.*

Все общинное населеніе Россійской Имперіи, считая Сибирь и Кавказъ и Царство Польское, равняется почти 80 милліонамъ душъ. Три четверти этихъ восьмидесяти милліоновъ равняется шестидесяти милліонамъ душъ. Такъ вотъ, значитъ, *шестьдесятъ милліоновъ душъ въ Россіи* принадлежитъ къ населенію, живо проявляющему свои общинныя права. Одно число этихъ общинниковъ показываетъ, какое огромное значеніе въ жизни нашей родины должна имѣть община.

Но это значеніе еще больше увеличится, если мы прибавимъ къ этому, что указаннымъ шестидесяти милліонамъ общиннаго населенія, принадлежитъ 170 милліоновъ десятинъ земли. Слѣдовательно, сто семьдесятъ милліоновъ десятинъ земли находятся въ такомъ владѣніи, при которомъ эта земля подвергается правильнымъ и постояннымъ передѣламъ. Значитъ, общинная жизнь сильно проявляетъ себя на огромной площади,—170 милліоновъ десятинъ!

Но, кромѣ того населенія, которое держится за свои общинныя права, имѣется еще около 20 милліоновъ душъ, которымъ земля принадлежитъ тоже на правахъ общиннаго владѣнія, но которыя почти совершенно не пользуются своими общинными правами, владѣя тѣмъ, что каждому осталось отъ отцовъ и дѣдовъ и не устраи-

вая передѣловъ. Этому населенію, которое живетъ, такъ сказать, въ застывшихъ общинахъ, принадлежитъ около 30 милліоновъ десятинъ земли. Вотъ теперь и сравните: 60 милліоновъ душъ населенія, пользующагося своими общинными правами, противъ 20 милліоновъ душъ, своими общинными правами пренебрегающими,—170 милліоновъ десятинъ земли, которыя находятся въ общинномъ владѣніи и которыя подвергаются передѣламъ, противъ 30 милліоновъ десятинъ земли, которыя тоже находятся въ общинномъ владѣніи, но на которыхъ передѣловъ совсѣмъ не устраивается. Если вы сравните между собой эти цыфры, то вы должны будете сказать, что у насъ, въ Россіи дѣятельныя, способныя къ жизни общины составляютъ огромное большинство по сравненію съ тѣми общинами, которыя отказались отъ своихъ общинныхъ правъ, которыя, такъ сказать, обмерли, застыли въ своей общинной жизни. На основаніи этого сравненія вы можете смѣло утверждать, что *русская община въ Россіи жива, что она способна къ дѣятельности и къ улучшенію своихъ порядковъ, что она способна къ дальнѣйшему развитію.*

И эту послѣднюю мысль опять-таки не трудно доказать на тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя были произведены въ послѣднее время. На чемъ же можно убѣдиться, что община, дѣйствительно, развивается,—иначе говоря, дѣйствительно переходитъ отъ худшихъ, менѣе справедливыхъ порядковъ съ порядкамъ лучшимъ и болѣе справедливымъ? Въ чемъ же состоятъ лучшіе и болѣе справедливые порядки?—Да въ томъ, чтобы всѣ, кто принадлежитъ къ общинѣ,— малый и старый, женщина и мужчина,— получили свою долю въ пользованіи общинной землей. Если община пользуется землей по ревизскимъ душамъ, то мы говоримъ, что это порядокъ нехорошій, несправедливый. Почему? Да потому, что при такомъ порядкѣ землей пользуются немногіе счастливцы, которые попали въ десятую перепись, а остальное населеніе, родившееся

послѣ этой переписи, хотя и живетъ на этой общинной землѣ, но землей этой не пользуется. Напротивъ, такой порядокъ, когда въ общинѣ устраиваются такіе передѣлы, чтобы каждому жителю доставалась ровная доля въ общинной землѣ, когда, значитъ, передѣлы устраиваются „по ѣдокамъ“, иначе говоря, по *потребительному разсчету*, т. е. смотрятъ, чтобы всякому было чего потреблять, чѣмъ питаться,—тогда можно сказать община устраиваетъ у себя порядки хорошіе, справедливые. Сначала всѣ общины владѣли по ревизскимъ душамъ, затѣмъ, какъ мы видѣли, начались передѣлы,—и вотъ если присмотрѣться къ этимъ передѣламъ, которые устраиваются все чаще и чаще, то мы увидимъ, что число передѣловъ, когда земля распредѣляется по ѣдокамъ, т. е. по наиболѣе справедливому разсчету,—число такихъ передѣловъ все больше и больше увеличивается. Вотъ, напримѣръ, какъ увеличивались передѣлы по потребительному разсчету въ Саратовской губерніи: къ 1870-му году въ Саратовской губерніи общинъ, которыя дѣлали у себя подобные передѣлы, было около двухсотой части всѣхъ общинъ; къ 1880-му году такія общины составляли двадцатую часть всѣхъ саратовскихъ общинъ, къ 1890-му году число ихъ составляло почти четверть всѣхъ общинъ. Къ 1900-му—близко къ половинѣ. Такимъ образомъ за 40 лѣтъ число общинъ, перешедшихъ къ *уравнительному передѣлу*, увеличились почти въ 100 разъ. Здѣсь мы видимъ, какъ правильно и неуклонно увеличивается число общинъ съ болѣе справедливыми и лучшими порядками.

Особенно важно отмѣтить это стремленіе русскихъ общинниковъ къ лучшимъ общиннымъ порядкамъ потому, что законъ и правительство скорѣе мѣшали, чѣмъ способствовали общинной жизни русскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, правительсто разрѣшало передѣлы только въ годы ревизій, т. е. въ годы правительственныхъ переписей; при выходѣ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости право

общинъ распоряжаться своей землей было стѣснено различными требованіями закона, напр., требованіемъ того, чтобы для передѣла согласныхъ домохозяевъ было не простое большинство, а двѣ трети всѣхъ домохозяевъ, чего добиться, конечно, всегда бываетъ труднѣе. Въ 1893 году, когда были введены земскіе начальники, вся община была, какъ выражается одинъ писатель, зажата въ кулакѣ у этихъ представителей крѣпкой власти. Каждое постановленіе общины о передѣлахъ или другихъ своихъ порядкахъ могло быть по произволу отмѣнено земскимъ начальникомъ. Были введены закономъ и другія правила, которыя стѣсняли общинную жизнь: напр., запрещена была „свалка и навалка“ земли или частные передѣлы, запрещено было назначать передѣлы раньше, чѣмъ черезъ 12 лѣтъ одинъ отъ другого.

Такимъ образомъ, можно утверждать, что привычки къ общинной жизни не только крѣпко сохранились у большинства русскаго крестьянства, но еще и живо держатся въ быту его и способны увеличиваться и развиваться и дальше.

Типо-Литографія І. Г. Брауде и К°, Морская, 19.

Типографія І. Г. Брауде и Ко. Морская, 19.